

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам западных путешественников XIX-начала XX вв.)

Западные путешественники в своих трудах отразили социальную стратификацию кыргызского общества в XIX- начале XX вв., которая во всех крупных кыргызских родоплеменных подразделениях была представлена двумя основными сословиями: представителей малочисленных господствующих феодальных верхов: манапов, биев и беков и преобладающей по численности, но экономически зависимой от них массы рядовых общинников: букара. При этом социально-сословная структура кыргызских племен не зависела от того были ли кыргызы самостоятельными, или временно подпадали в зависимость, или даже были подвластны владельцам соседних стран и народов, как и от того, какой тип хозяйства преобладал в отдельных местах Кыргызстана и их поселениях - кочевое экстенсивное скотоводство, оседлое земледелие, либо смешанный переходный от первого ко второму. Однако, на наличие и названия этих двух сословий и отдельных групп сказывались внутренние социально-экономические процессы и внешнеполитические факторы. Так, например, господствующим сословием у северных кыргызов были манапы, появившиеся у них уже с 40-х годов XIX века, а у южан были датхи и беки, как у оседлых узбеков и таджиков.

Социальная структура кыргызских племен Северного Кыргызстана преимущественно отражается в сведениях Г.Лансдела и Ю.Шуйлера. Так, Г.Ландел писал, что: "Поселения киргизов расположены неравномерно через всю Центральную Азию. Таким образом, в области Семиречья они составляют около 78 процентов населения; в области Сырдарьи около 62 процентов; в области Амударьи только около 29 процентов; в Фергане их не более 17 процентов; и в районе Заравшана их едва 2 процента. Кто проживает в горах, их можно назвать "демократами", подтверждаемый названием "кара киргиз", или "черный киргиз", который может быть отнесен к неопределенному происхождению своих вождей (хозяев), манапов, кто, согласно киргизской фразеологии, не происходят из "белой кости" султанов. Однако, манап обладает большой властью, особенно когда он аналогичен батыру, то есть храброму и мчащемуся лидеру мародерствующих экспедиций. Ниже манапов - простые люди, бухара (букара-Ч.Т.). Российской администрацией бии признаются как судьи, и избираются народом; но из них выходят плохие судьи, которые открыты для коррупции. Им не доверяют как русские, так и сам народ". Очевидно, что записки Ч.Ч. Валиханова явились для английского

миссионера первоисточником в ознакомлении с институтом манапства среди кыргызов.

Согласно Ю.Шуйлеру: "Манапы", семейные или племенные вожди, своего рода аристократия происходили от Тогая. Простой народ, "букара" и "кул", т.е., рабы стоят ниже них. Хотя в тех племенах, которые приняли Российское подданство рабство, было отменено. Несмотря на российские законы и регулирование, манапы до сих пор обладают огромным влиянием среди племен и в свою очередь, им тоже уделяется большое внимание" С тезисом Ю.Шуйлера трудно согласиться полностью, т.к., в условиях российской колонизации манапы использовались в низовой волостной управленческой структуре и их деятельность была подконтрольна российским властям еще с 1865 г., когда модель народно-кочевого и военно-казачьего уездного управления распространилась на казахские племена и те кыргызские, которые уже приняли российское подданство.

Другой ошибочный аспект связан с происхождением аристократии. Известно, что институт манапства не происходил от Тагая, как считал Ю.Шуйлер, а возник в силу объективных и субъективных причин. Русские исследователи объясняли его возникновение с деятельностью кыргызского родоначальника Манапа, жившего в XVII веке. Такая личность действительно существовала но, однако широкое распространение термина "манап", объяснялось не его возникновением от личного имени, а в связи с тем господствующим положением, которое заняло у племени Сарыбагыш родовое подразделение "Манап". Впоследствии термин "манап" стал употребляться по отношению к кыргызским биям на севере Кыргызстана. Западные авторы описывая историю происхождения манапов, ошибались и в том, что институт манапства не испытывал изменений и трансформаций. Фактически в XIX веке принципы и механизмы формирования института манапства были не совсем те же, каковыми они были в момент становления и распространения в XVII столетии. Если ранее манапом мог быть избран сородич, заслуживший этот статус своей храбростью и достоинством, то в XIX веке эта власть чаще стала носить наследственный характер, и потомственные манапы, сосредоточив в своих руках всю полноту военной, социально-политической, экономической власти, имели особое название среди кыргызов "чынжырлуу манап".

Помимо манапов, западные путешественники выделяли биев, или судей в кыргызском обществе,

которым российская колониальная власть сохранила судебные полномочия в восстановлении справедливости в случаях и делах, касающихся повседневной жизни кочевников, к примеру, барымта - угон скота. Согласно "Положению об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях" от 1867, все дела, связанные с взаимоотношением кыргызов с местной колониальной властью, а именно: угон скота у русского переселенческого населения, их нападения на казаков и русских солдат, выступления против местной колониальной власти решались в уездных судах и военно-судебных комиссиях, которые вершили дела в соответствии с действующими законами Российской империи. Должность бия была выборной, его избирали от каждого административного аила сроком на три года. Ю.Шуйлер будучи у кыргызов в район Токмака, мог наблюдать сцену съезда уездных биев Токмака и Иссык-куля. Каждый бий имел юрисдикцию над теми делами, иск которых не превышал 100 рублей, 5 лошадей или 50 овец. Но, если дела включали иск в 10 раз больше, чем 100 рублей, то он решался съездом биев. Съезд биев в Токмаке проходил в большой юрте и в центре сидел Перфект, или уездный начальник, которому переводил и помогал переводчик. Наблюдая за системой бийского правосудия, Ю.Шуйлер сделал вывод о том, что суд биев неэффективен для местной российской администрации. По его мнению один честный мировой судья, сможет больше сделать для справедливости и порядка среди кыргызов, как степных, так и горных, чем вся эта псевдо-автономная и фиктивная выборная система, имевшая место среди кыргызов и казахов. Система выборов биев в казахском и кыргызском обществе вызвала негативное отношение не только Ю.Шуйлера, но и у части офицеров, служивших в местном административно-колониальном аппарате царской России. Они считали, что выборы бия - это фарс, находящийся в руках племенных вождей и аристократических семей, которые влияют на исход выборной компании и ставят тех сородичей, которые выгодны той или иной группе манапов. Тем самым, российские власти непрямо, а косвенно усиливали влияние родоплеменной верхушки среди народа. Другая часть российских офицеров и администраторов считавшая, что выборная система сама по себе есть позитивная форма демократического управления, предлагала нейтрализовать влияние манапов соответствующим давлением со стороны уездных начальников. О нечестной службе русских казаков и офицеров отмечал и российский путешественник Н.А. Северцов. "Они с чистой совестью обирают, например, киргизов при всяком удобном случае и не скрывают этого, потому что не считают это грехом".

Описывая данную ситуацию, Ю.Шуйлер беспокоился за имперский российский проект, в части его судебной системы. Он искренне советовал меры

по ее совершенствованию и скорейшей адаптации России в ее азиатских владениях. Он видел, как и другие западные путешественники: британский офицер Ф.Янгхазбэнд, и американский географ Э.Хантингтон, в ней светоч цивилизации и порядка в Азии, достижение мира и прогресса среди местных племен и народов. Но, фактически, институт бийства, также как и волостные, или как их назвала английская путешественница Л.Макартни "Русский аксакал", должны были стать карательным инструментом колониального аппарата среди кыргызского населения. И личные наблюдения Ю.Шуйлера и Г.Лансдела о биях и их статусе отражают колониальную политику царизма и ее последствия для кыргызской стратификации.

Для северокыргызского населения Ю.Шуйлер и Г.Лансдел также упоминали такие социальные страты, как букара, простой народ и кул, рабы. По мнению Ю.Шуйлера кул, т.е., рабы в условиях российской колонизации уже не существовали. Как показывает история кочевых племен и империй Центральной Азии, рабы существовали всегда, но рабство не получило такого распространения, которое имело место в оседло-земледельческих обществах. У кочевников потребность в рабской силе покрывалась за счет эксплуатации малоимущих скотоводов, которая была завуалирована реципрокно-обменной формой взаимоотношений и услуг. Более того, содержание и концентрация рабов в одном месте, по типу латифундий, могло угрожать безопасности аильно-родовой социальной организации кочевников. И потому в кочевых обществах, рабы, преимущественно женщины, использовались только в домашнем хозяйстве и являлись средством торговли.

Записи И. Данмора, С. Гедина и Г. Бонвало отражают социально-сословную структуру среди южнокыргызских племен. Если политическое положение кыргызов и после размежевания границ на Памире между двумя игроками Большой игры Россией и Китаем, было неопределенным, то в социально-сословной структуре у южнокыргызских племен существовала ясная и четкая иерархия. Поскольку сам лорд И.Данмор был из аристократической среды, где множество социальных титулов и званий было не редкостью и сословные границы обозначались весьма прозрачно и четко, он дал сравнительно подробный расклад сословно-социальной структуры племен левого крыла: "beg" бек, "bai", бай, "aksakal" аксакал, "chief" глава, родоначальник племени. Согласно его записи все страты отличались друг от друга материальным положением, социальными обязанностями и правами. Информация И. Данмора отражает тот факт, что среди южных племен, бии и беки играли ту же самую управленческую роль, что и манапы и бии в северокыргызском обществе. Для нас важна его запись о баях, источником формирования которых явилась

концентрация большого количества скота в руках отдельной семьи. И хотя они не всегда обладали социальными привилегиями, но большое количество живности служило основным инструментом в эксплуатации простого народа, букары.

Таким образом, западные путешественники описывали социальную структуру северокыргызских племен используя записи российских путешественников, а также полагаясь на собственные наблюдения и выводы. Их информация дает полную социальную стратификацию среди южных и северных племен, и в их записях прослеживается как традиционные, так и новые механизмы управления кыргызским народом и его племенами в период колониального господства, при котором подконтрольная родовая кыргызская элита одновременно была задействована в вертикальной схеме власти местного административно-управленческого аппарата царской России, а в горизонтальной линии она осуществляла руководство многочисленными родами волости, способствуя внутриплеменной интеграции в интересах управления и налогообложения.

Литература:

1. Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. -N-Y: Adamant. -Vol.1. -P.302, 309-310.
2. Ibid. -P.302, 309-310, 139.
3. Аристов Н.А. Усуни и киргизы или кара-киргизы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии.-Бишкек: Илим, 2001.-С. 522.
4. Валиханов Ч.Ч.Записки о киргизах/ Собр.соч. в 5-ти т.-Алма-Ата, 1985.-Т.2.-38.
5. См.: Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства.-Фрунзе:Изд-во АН КиргССР, 1961.-С.119, Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические историко-культурные связи.- С.169, Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство.-С.247.
6. История Киргизской ССР / Отв. ред. С.И. Ильясов и др.-Ф.: Кыргызстан, 1984.-С.179.
7. Schuyler E. Turkistan Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. -2 Vols.-New York:Scribner, 1876.-Vol.2.-P.137,140-141.
8. Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня / Под ред.и вст.статьей Р.Л. Золотницкой-Москва:ОГИЗ,1947.-С.126.
9. Macartney L. An English Lady in Chinese Turkestan.- London: Ernest Benn, 1931.-P.162.
10. Ibid.-P.139.
11. Хазанов А. Кочевники и внешний мир.-Алматы: Дайк-Пресс, 2000.-С.133-148, Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по материалам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии / Отв.ред. Р.С. Васильевский.-Новосибирск,1985, Крадин Н.Н. Кочевые общества. -Владивосток: Дальнаука, 1992.-С.110-111, он же Кочевники Евразии.-Алматы: Дайк-пресс, 2007.-С.15.
12. Асанканов А.А. Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Уч. для вузов.-Б.: 2002.-С.245-246.
13. Тольбеков Е.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX вв. - Алма-Ата, 1977.-С.508.